

Владимир КАТКЕВИЧ Особняк на Лагерной

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

дом Чертлера и ушли. Пожар удалось потушить...

Часам к 11 приехали машины, но не с немцами, а опять с казаками. Один просил разрешения остановиться. Я провел его в комнаты, а он вдруг спрашивает:

— Ну что, рады приходу своих?

Я не поверил, говорили, что казаки переодеваются в красноармейцев, а потом убивают...

Радости не было конца...

Хотел у нас поселиться генерал, ему меня рекомендовали как старого большевика, но комнаты были не убраны, и адъютанту не понравились...

После таких писем тянуло в Одессу еще больше, но контр-адмирал Фадеев черкнул на рапорте: "Увольняться запрещается! Вы нужны флоту!"

— Военный совет ограничился беседой с вами, — сообщили или осадили.

Окольский же не ограничился. Уволился через год капитан-лейтенантом.

Вернулся в Одессу, в пароходстве даже раскопали карточку, а пароходов — кот наплакал. Взяли на "Красногорск", на подмену, штатный второй механик поехал в Новороссийск за метрикой. Капитану же новый второй механик глянцел, решил даже отказаться от штатного, но Окольский дорогу перебежать не привык.

— Пойдешь стармехом на "Кореиз", — пообещали в службе судового хозяйства.

— На год, не больше, — огласил он встречное желание, — а потом — на "Адмирал Ушаков".

Почему манил именно трофейный "Ушаков"? Машина там была интересная, сходящиеся поршни через гидромфуты работали на один гребной вал.

На "Ушакове" ходил до 52-го, довел старенькую машину до образцовости. Пришел из рейса, а его повестка ждалась из сталинского военкомата.

— Капитан-лейтенант запаса Окольский прибыл! — доложил, как положено. А ему:

— Уже не запаса.

— Я же был 11 месяцев в рейсе...

— Приказы не обсуждаются, а выполняются.

Поехал в Лиепая на военный судоремонтный завод старшим строителем подводных лодок, так по-флотски неуклюже обозначалась его должность. Ремонтировал подлодки всех мастей, вывел завод в передовые. В 58-м майор Окольский получил депешу от начальника военно-морских заводов страны инженера вице-адмирала Караганова, кстати, единственного в стране адмирала-инженера: "Прошу дать согласие должности нач. ПМ-96 тчк Учтите крайнюю необходимость тчк Не огорчайте отказом тчк".

Просьба начальства хуже приказа, почему и не огорчил. Ходили невероятные слухи, что вроде ПМ-26 открывает в океане ворота-аппарель, и туда проникает подводная лодка. Как в фильмах с Джеймсом Бондом. Полетел во Владивосток принимать Джеймсбондовского монстра.

Очередную морскую судьбу Окольского, ПМ-96, плававшую, сварганили из севшего на российскую мельку японского балкера водоизмещением в 60 тысяч тонн. В трюмах установили паровые молоты, карусельные и шлифовальные станки, в твиндеках станки помельче.

Была на ПМ-96 и своя литейка, даже якорь-цепи лили. В увеличенной надстройке должны были разместиться в походном порядке 200 рабочих-лимитчиков и 20 военнослужащих, офицеров и матросов сопровождения. На случай если придется перемещаться к театру военных действий тихоокеанского флота. Театром была записана Калифорния, известен был даже номер причала в Сан-Франциско, где монстр должен был швартоваться.

Плавуние заводские мощности Окольский содержал в боевой и производственной готовности, обеспечивал все виды ремонта, кроме докового.

Когда накопилась выслуга, пятнадцать лет "календаря" плюс война и

Камчатка, где год идет за полтора, запросился Сергей Борисович домой.

Уволился, разумеется, чтобы продолжить плавание. Еще желал завершить, наконец, образование. Когда в 50-е обращался с просьбой о восстановлении, ему говорили: "Давайте зачетную книжку". — "До войны их не было", — отвечал.

— Пишите в Среднюю Азию, где институт находился в эвакуации.

Писал. "Ваши документы готовы к отправке. Ждите", — отвечали.

Он и ждал. До 64-го. В 65-м защитился. В дипломе написали: "Поступил в 37-м... закончил в 65-м".

— Допишите: "Восстановлен в 64-м", — попросил декан, — а то неудобно.

Он образцово проплавал стармехом на разных судах до 86-го, скрывая от медиков осколок в лобной части головы. Осколок до сих пор стесняется, так же, как и приличной по нынешним ущербным понятиям пенсии с учетом ранения и беззаветной службы морской технике.

Сейчас в отчете Окольских уютно проживают другие люди, они здесь ни при чем, и, вероятно, заслужили благополучие в курортном районе. Дом и палисадник обихожены, видимо, средства позволяют. Сам же Сергей Борисович с семьей квартирует в пятиэтажке на углу улиц Космонавтов и Генерала Петрова, где в апреле этого года отметил свое 90-летие. С чем, пользуясь случаем, мы его сердечно поздравляем и желаем долгих лет жизни.

Окольский много лет хлопочет, нет, не о восстановлении исторической или фамильной справедливости, которые, кстати, гарантированы законами во многих авторитетных странах, а об организации в отчете музея революции. Время, понятно, не самое подходящее, и навряд ли оно вскоре забрезжит. Организацию музея революционной архитектуры пока отложили, как, впрочем, и оборудование мини-музея в помещении мореходной академии. На Дидрихсона располагался штаб Одесского оборонительного района, там командующий Приморской армией генерал Петров разрабатывал операции.

Если беспрочно откладывать воспитание на благополучное потом, то легко проворонить молодое поколение. А может, уже молодежь, наше будущее, зевнули.

Когда тяжело раненый и контуженный старший лейтенант Окольский лежал в госпитале на Мекензиевых горах, командующий Приморской армией генерал Петров и контр-адмирал Фадеев навестили раненых в подземных лазаретах Карантинной, где развернулся... 411, эвакуированный из Одессы госпиталь.

— Я даже не могу ему руку пожать, — сказал командующий Приморской армией генерал Петров. Руки у Окольского были забинтованы, голос адмирала после контузии он слышал как из-под воды.

"Республику" ШКИД все-таки экранизировали.

Увещательное и человеческое в картине есть, — писал А.И. Пантелеев, — иначе бы ее не ходили смотреть по 5-10 раз. И все-таки, фильм не доносит всей суровой красоты тех далеких лет, всей сложности характеров, всей многогранности быта вольнолюбивой мальчишеской республики... Жизнь "ШКИДы" на экране выглядит беднее и грубее, чем она была на самом деле".

Почти не замечаемый лет сорок (!) Пантелеев дожил до очень глубокой старости. За это время другое поколение мальчишек, никогда не видевшее "Республику ШКИД", обсмотрело сериалы "Звездных войн" и устало от войн.

Алексей Иванович Пантелеев неоднократно бывал в Одессе, проходил по Пионерской мимо дома № 9, снова не очень замечая его, шел по Кленовой через поселок "Самопошь" к первому детскому городку имени Коминтерна. Навстречу ему попадались темнокожие офицеры в форме, слушатели командно-инженерного училища с четвертой станции Большого Фонтана.

Феликс КОХРИХТ Последний герой нашего времени

В Одесском русском театре с успехом прошел первый показ спектакля по пьесе Александра Марданя "Последний герой".

Режиссер-постановщик — Сергей Голомазов.

Художник-постановщик — Григорий Файер.

Музыкальный руководитель — Евгения Ермакова.

В ролях: Юрий Невгамонный, Ирина Надеждина, Анна Дьяченко, Семен Крупник, Валерий Апраксин, Наталья Дубровская, Татьяна Маркова.

Одна из авторских ремарок, предваряющих I-й акт, содержит следующую информацию: "Действие происходит в двухкомнатной "хрущевке", в городе, жители которого говорят по-русски".

Знаменательно, что спектакль был показан в Одессе участникам и гостям международной научно-практической конференции "Русский театр в Украине. Вопросы современной драматургии". Первыми зрителями стали руководители театров, режиссеры, ученые, критики, журналисты России, Беларуси, Польши, Болгарии, Украины. За время, прошедшее с распада СССР и социализма, выросло новое поколение режиссеров, актеров, а главное, зрителей. Многие изменились в нашей жизни — и политические, и географические границы, и социальная система, и товарно-денежные отношения, и даже пресловутый квартирный вопрос, испортивший москвичей времен появления в ней Воланда, искушавшего персонажей романа Булгакова греховными предложениями. Помните, чем закончился сеанс черной магии в столичном цирке?

Многое изменилось в нашей жизни. Появились новые заманухи для тех, кто хочет быстро получить много и сразу. К примеру, можно присесть у телефона, регистрируя звонки тех, кто возжелал приобрести грибки шампиньонов...

Появились новые игры, на которых можно быстро заработать, к примеру, лентбол... Все это и множество других способов быстрого обогащения испробовал бывший учитель истории Виктор, но к началу пьесы, к моменту главного и рокового Искушения ни в чем не достигший успеха. Действие начинается под аккомпанемент голоса, вещающего с телеэкрана об итогах очередного раунда реали-шоу "Последний герой", участники которого хотят и денег, и славы, и уважения от своих близких...

Многое изменилось в нашей жизни, но человеческая природа осталась неизменной. Рано или поздно игроков, поставивших на кон ставку, большую, чем жизнь, попросту съедают более удачливые соплеменники. На телеэкране — некую Вику, на сцене — Виктор. Увы, победительный корень в именах их не спасает.

Причем самые болезненные, смертельные удары наносят герою пьесы самые близкие люди — жена и дочь, а также соседи.

Для пьес Александра Марданя характерно органичное сочетание, казалось бы, различных стилистических особенностей. При всей достоверности деталей, узнаваемости времени и места действия, они метафоричны и близки к притчам. Легко можно представить себе нашего современника и земляка Виктора и владельца единственного в пустыне колодца, пытающимся содрать побольше верблюдов со страдающего жаждой атамана разбойников, и французским фермером, через землю которого должна пройти будущая автострада, и...

Случается, хотя и редко, что в этом смертельном покере наступает момент, когда дело уже не в верблюдах и франках (евро!), а в кураже, который был бы раз в жизни настаивает каждого мужчину, даже самого последнего. Виктор, разумеется, очень хотелось бы купить дочери Кате отдельную квартиру, а супруге Людмиле — даже с видом на море, но куда важнее — доказать всем, в том числе и удачливым родственникам со стороны жены и маклеру Виталию, и всей его фирме "Атлантида", что он, во-первых, не тварь дрожащая (Достоевский), а во-вторых, играет не из денег (Пушкин). Виктор пытается как можно дороже продать строительной фирме свою двухкомнатную квартиру в "хрущевке", идущей под снос. Цена вопроса возрастает от праздника к празднику, которые мы отмечаем вместе с

этой семьей. В день серебряной свадьбы Виктору предлагают уже не 20, а 60 тысяч долларов, но он согласен принять от риэлторов не менее двухсот!

Впрочем, не исключено, что Виктор и этих действительно больших денег не взял бы... Во всяком случае, таким его почувствовал Юрий Невгамонный. Паразитическим и точным диссонансом между внешней фабулой и внутренним конфликтом звучит его последний монолог в опустевшем и брошенном всеми человеческом жилище: "...И все равно — дом живой. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится...". И вновь, в новой пьесе Марданя — удивительное сочетание двух начал — прожектера Гаева и брошенного всеми Фирса...

"Чехов нужен всем!" — эта, казалось бы, "проходная" реплика супруги Виктора Людмилы — ответственной квартирьершею — много дает чуткому уху. Как и Раневская свой Вишневы сад, Павлова, вздыхающая о родовом гнезде ("Это квартира моих родителей"), первой его и предаст вместе с Фирсом, Гаевым и серыми квартирными мышками...

Внимательный читатель пьесы заметит, что постановщик спектакля привнес в список действующих лиц юношей и девушек в белом — отнюдь не врачей и не ангелов, а шагнувших с телеэкрана в сценическую жизнь участников реали-шоу "Последний герой". Среди них, вероятно, есть и аутсайдер — съеденная племенем Вика, есть и безымянный победитель. Им же выпала роль строителя-могильщиков Дома Павлова и его последнего защитника.

Уважая право Сергея Голомазова на собственное прочтение пьесы, отмечая несомненно высокий профессионализм и столичный класс режиссера, замечу, что в его трактовке финал истории, рассказанной Александром Марданем, увы, потерял многозначность и лишил зрителей редкой и увлекательной возможности самим поразмышлять, куда же подевался Последний герой в момент, когда по его панельной крепости под дивный вальс Шостаковича вдарилась стальная стенобитная баба...

То ли в небо вознесся — к своему героическому тестю, начальнику СМУ Павлову, то ли в канализацию просочился вместе с последними мышками, то ли незаметно от строителей спустился по лестнице, вышел из дома и пошел себе по улице Тенистой или Радостной подобно герою стихотворения Даниила Хармса, и никто его больше никогда не увидит...

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

